

Сабатино Москати

ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Сабатино Москати

Цивилизации Древнего Востока

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607355

Цивилизации Древнего Востока / Пер. с англ. Н.И. Лисовой.:

Центрополиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-02056-7

Аннотация

Книга знаменитого итальянского историка Сабатино Москати кратко, но полно освещает историю Древнего Востока. Автор проводит сравнительное исследование существенных и характерных черт древне-восточных цивилизаций. Вы узнаете о шумерах и египтянах, вавилонянах и ассирийцах, хеттах и хурритах, ханаанеях и арамеях, израильтянах и персах... Все многообразие культур, их взаимное влияние, четко обозначенное Москати, складывается в неповторимый и прекрасный лик Древнего Востока.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Восток в новом свете	4
Место	9
Время	16
Действующие лица	17
Пролог	21
Часть вторая	29
Глава 2	29
Цивилизация Междуречья	29
Исторический очерк	31
Религиозная структура	42
Литературные жанры	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сабатино Москати Цивилизации Древнего Востока

Часть первая Внешние обстоятельства

Глава 1 Восточное возрождение

Восток в новом свете

На протяжении последних десятилетий наши знания о древней истории Ближнего Востока претерпевают фундаментальные изменения. В европейской культуре есть лишь одно явление, способное сравниться с этими переменами, и по аналогии с ним мы вполне можем назвать этот процесс Восточным Возрождением.

Этими переменами мы обязаны в первую очередь археологическим данным, но, помимо самой археологии, они

естественным образом распространились на литературу, религию, искусство и – в конечном итоге – культурную сферу в целом. Начало переменам было положено в апреле 1928 г., когда плуг сирийского крестьянина во время пахоты задел остатки какой-то древней гробницы. Так был открыт Угарит. Конечно, в первой четверти XX в. тоже были важные археологические открытия, но значение этого – и последующих – открытий вышло далеко за узкие рамки местных культур и в конечном итоге перевернуло наши представления о культуре и истории всего региона. По масштабности с этими находками могут сравниться лишь открытия второй половины XIX в., которые впервые познакомили нас с народами Древнего Востока, до той поры почти неизвестными.

В Восточном Возрождении можно выделить три ключевых археологических открытия. Это Угарит, Мари и свитки Мертвого моря. Все три открытия были сделаны совершенно случайно: в Угарите крестьянин пахал собственное поле; в Мари местные жители готовили могилу для похорон; на берегу Мертвого моря бедуин искал потерявшуюся овцу. Во всех трех случаях в результате мы получили новые знания, по сути революционные. Угарит оказался остатками древнего города, который существовал когда-то на месте тех крестьянских полей. Четыре тысячи лет в этом процветающем городе кипела жизнь; он был центром плодотворного культурного обмена между Ближним Востоком и островами Средиземноморья. Сотни обнаруженных там текстов, новых как

по языку, так и по системе письма, позволили нам познакомиться с верованиями и мифологией людей, населявших Палестину и Сирию до евреев. В Мари был обнаружен другой город, не менее древний, – столица государства, охватывавшего в период своего расцвета значительную часть Северной Месопотамии. Его дипломатические архивы, содержащие более 20 тысяч документов, заставили полностью переписать историю Западной Азии первой половины 2-го тысячелетия до н. э. и внесли революционные изменения в хронологию того времени – ученым пришлось чуть ли не на двести лет сместить все датировки, имеющие отношение к древней Западной Азии¹. Свитки Мертвого моря на несколько столетий старше самых ранних известных прежде древнееврейских рукописей; их библейские тексты представляют особую ценность для ученых-текстологов, а небиблейские по-новому, очень живо и ярко освещают верования и ритуалы еврейского мира в канун христианской эры.

Помимо трех основных, было сделано немало и других значительных открытий. К примеру, если говорить о доисторических временах, то американские раскопки в районе

¹ На изменения в хронологии повлияли и другие факторы, в первую очередь обнаруженный в Хорсабаде новый список ассирийских царей. В настоящей книге автор пользуется так называемой «короткой» хронологией, где время правления Хаммурапи соответствует 1728–1686 гг. до н. э., а все другие даты корректируются соответственно. Однако существует и другая система – не менее, а может быть, и более вероятная, согласно которой все датировки смещаются на 64 года (Хаммурапи – 1792–1750 гг. до н. э.).

Киркука дали материал, относящийся к палеолитическому и неолитическому периодам истории Месопотамии и принесли новую информацию о неолите и халколите. Что касается исторического периода, то документы, найденные в Алалахе, и дальнейшие материалы из Угарита позволили проверить по местным источникам и дополнить наши знания о политике великих империй Сирии после середины 2-го тысячелетия до н. э. Если говорить о юриспруденции, то обнаруженные древние кодексы пролили свет на фундамент, на котором построена законодательная система великого царя Хаммурапи, и указали на существование традиции, в которой действовали и он сам, и другие законодатели Древнего Востока. Наконец, – в сфере искусства, – замечательные работы, обнаруженные при раскопках в Нимруде, не говоря уже про Угарит и Мари, призывают вообще пересмотреть общепринятые взгляды на значительную часть ближневосточного искусства.

Очевидно, вся эта новая информация относится к конкретным регионам и историческим периодам и почти не затрагивает другие территории и времена. Однако, как ни парадоксально звучит, этот факт скорее усиливает, нежели ослабляет сдвиги в наших представлениях о Древнем мире. Мало рассматривать лишь регионы и периоды, непосредственно затронутые недавними открытиями. Необходимо определить, как старое соотносится с новым, – а это неизбежно приводит к свежему взгляду на давно, казалось бы,

известные вещи. Так, хронологию Древней Анатолии пришлось пересмотреть не столько потому, что этот регион принес ученым новые находки, сколько из-за необходимости согласовать ее с данными по Месопотамии. Точно так же, многие перемены во взглядах на Древний Египет основываются на том, что изменились наши представления о его азиатских параллелях.

Конечно, мы сравниваем этот процесс с классическим Возрождением отнюдь не из-за случайного характера открытий, – право на это нам дают природа и масштаб перемен в наших представлениях о Древнем Востоке, вызванных этими открытиями. Проводя параллель дальше, мы могли бы сказать, что нынешнее состояние наших знаний о Древнем Востоке соответствует Раннему Возрождению – эпохе гуманизма, ведь научная деятельность в этой области в настоящий момент почти полностью сводится к поиску новых данных, их публикации и анализу. Соотнести конкретные результаты с общей картиной и реорганизовать в соответствии с этим всю систему наших знаний – дело будущего. Когда эти задачи будут выполнены, – но предсказать, когда именно это произойдет, невозможно, – мы станем свидетелями завершения Восточного Возрождения. Вероятно, тогда можно будет сказать, что его основное значение заключается в воссоздании фундамента классической цивилизации, знания о котором прежде были неполными и неточными. Когда Греция и Рим займут свое законное место в историческом про-

цессе, когда определяются предпосылки и условия их возвышения, — только тогда мы увидим, насколько широкое, разнообразное и временами решающее влияние оказали на эти цивилизации предшествовавшие им цивилизации Древнего Востока.

Место

Попытка обозначить главные черты древних ближневосточных цивилизаций не имеет прецедентов, поэтому нам придется сначала рассмотреть, хотя бы кратко, условия и предпосылки их возникновения и развития: мы поговорим о месте и времени, о действующих лицах и предшествовавших доисторических эпохах. Мы обозначим противоречия, разрешение которых вполне может оказаться решающим фактором нашего исследования; в некоторых случаях вопросы возникли лишь вследствие последних открытий — и, соответственно, тоже могут послужить основанием для новых выводов.

Обратимся к первому вопросу, вопросу места. Понятие «Древний Восток» по давно устоявшемуся и общепринятому соглашению ученых означает древний Ближний Восток. Его история начинается в весьма отдаленные времена — и начинается документами, знаменующими собой начало истории в бассейне Средиземного моря. История этого региона непрерывна и прослеживается по письменным источникам

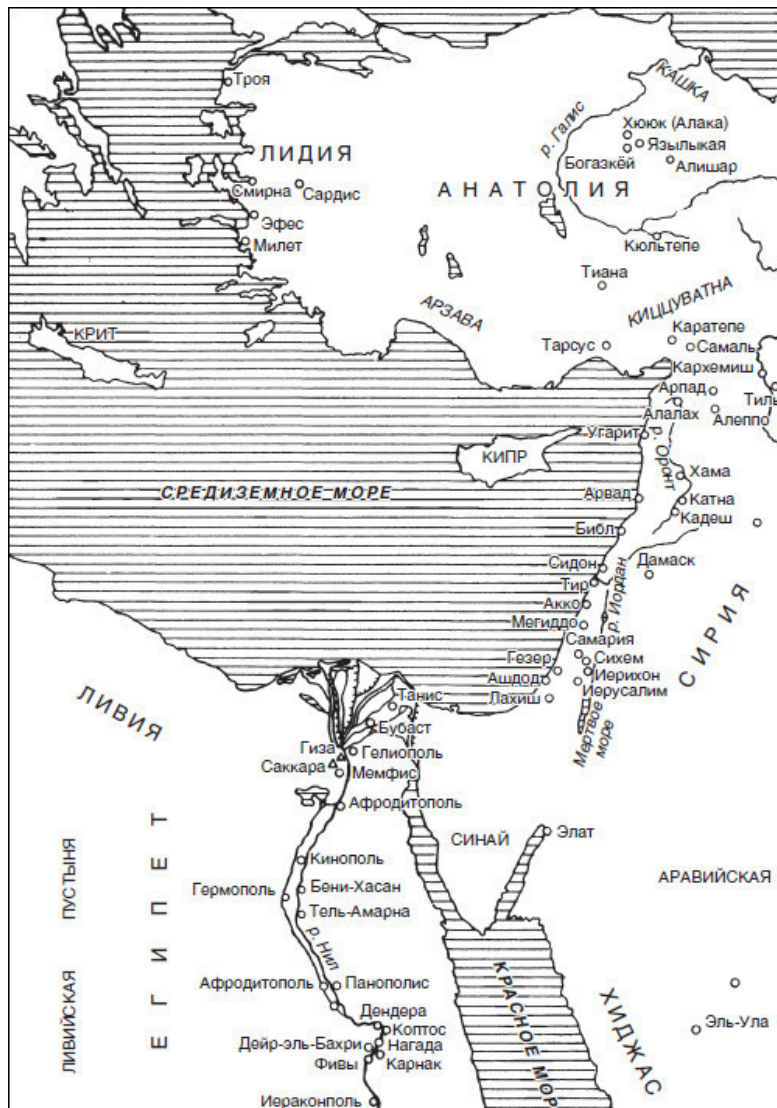
– в отличие от соседних регионов, населенных в основном народами, не оставившими после себя письменных документов, а стало быть, практически лишенными истории. Общим центром притяжения для народов региона служила восточная часть бассейна Средиземного моря; каждый из них рано или поздно обращал туда свой взгляд и находил на его берегах места для встреч и общения с другими народами. Этот факт позволяет нам подобрать для этого региона и другое подходящее название: «Средиземноморский Восток» – и отделить его таким образом от культур Индии и тем более Китая – там были свои центры притяжения, а культуры развивались в значительной степени независимо. И дело не только в разделении. Ближний Восток с его тягой к Средиземному морю сыграл важную роль в формировании фундамента классической цивилизации, где вклад Индии и Китая гораздо менее заметен.

Мир Древнего Востока включает в себя (с запада на восток) Египет, Палестину, Сирию, Аравию, Анатолию, Месопотамию и Иран. Если рассматривать этот регион в целом, то сердцем его окажется Аравийская пустыня – пространство бесплодных песков. Вокруг нее громадной дугой простирается «плодородный полумесяц», который образуют речные долины Египта и Месопотамии и сирийско-палестинское связующее звено. Этот полумесяц включает в себя самые плодородные земли на всем Ближнем Востоке. Вокруг него к северу и востоку лежат плоскогорья Анатолии и

Ирана, более бедные в сельскохозяйственном отношении, но обладающие значительными природными ресурсами – запасами леса, камня и металлов.

Однако такое определение границ Древнего Востока порождает и некоторые спорные вопросы. Во-первых, должны ли являться предметом нашего рассмотрения иранские цивилизации? Мнения по этому вопросу разделились; но мы склонны считать, что да, – именно по критериям взаимозависимости и тяготения к Средиземноморью, которые мы только что сформулировали.

Труднее разрешить вопрос, касающийся культур Крита и Инда. Мы считаем, что лучше не включать эти культуры в наше исследование, хотя многие историки придерживаются противоположного мнения. Древние цивилизации Инда лежат за пределами основного района Средиземноморья, их невозможно соотнести с органичным и цельным развитием нашего региона. А крито-микенская цивилизация, несомненно, оказала огромное влияние на наш регион и сама подверглась его влиянию, – но почва, вскормившая ее корни, географически и этнически всегда была обособлена от рассматриваемого региона.

Наконец, отдельный случай представляет собой древняя южно-аравийская цивилизация. По месту и времени ее очень трудно исключить из общей картины древнего Ближнего Востока. Но важно также то, что этот район окружен защитным поясом пустыни, который изолирует его одновременно и от остальных частей региона, и от общего для них тяготения к Средиземноморью. Эту брешь удалось преодолеть только исламу. Соответственно, если мы считаем возможным ориентироваться скорее на исторические, нежели на географические факторы, то можем смело игнорировать южно-аравийскую цивилизацию – ее правильнее отнести к истории арабов или предыстории ислама. Но необходимо добавить, что в свете новых знаний это решение, возможно, придется подвергнуть ревизии. В настоящее время у нас есть лишь случайные обрывки информации об отношениях между северными южно-аравийскими колониями и другими государствами Ближнего Востока; но с появлением новых данных картина может решительно измениться.

Внутри обозначенной территории можно в принципе провести дальнейшее деление по нескольким вполне понятным принципам, но ни одной серьезной исторической причины для такого деления не существует. Особенно это относится к Египту – ведь его изучают в рамках специализированной дисциплины и рассматривают, как правило, вне связи с Западной Азией, хотя ей не присуще какое бы то ни было исто-

рическое единство, которое можно было бы противопоставить единству Египта. В сущности, нам следует либо заниматься историей отдельных регионов и народов, их населявших, – а именно египтян, шумеров, вавилонян и ассирийцев, евреев и т. д., – либо рассмотреть более широкое историческое объединение. В данном случае таким объединением может стать только Ближний Восток в целом, включая и Египет, – вот подлинный предмет нашего исторического исследования; несмотря на разнообразие компонентов, мы будем рассматривать его как четко определенное составное целое.

Время

Есть еще один вопрос, тесно связанный с вопросом места и не менее противоречивый, – вопрос времени. История Древнего Востока начинается с первых найденных документов, которые относятся к началу 3-го тысячелетия до н. э. Но как далеко мы имеем право продлить ее?

По этому вопросу существует три мнения; хотя, поскольку эти позиции не обсуждаются в открытой дискуссии, лучше сказать, что существует три точки зрения, которых на практике придерживаются ученые. Во-первых, окончание периода можно отнести к 538 г. до н. э. или чуть позже – к тому времени, когда пал Вавилон, а империя Ахеменидов с Дарием во главе начала контактировать с греками. Во-вторых, его можно обозначить 330 г. до н. э. и связать с решительной

победой Александра Македонского над персами. Наконец, в-третьих, можно продлить этот период до времени Христа и рассматривать историю Древнего Востока как пролог христианской эры.

Мы считаем, что первая и третья позиции не выдерживают критики. С одной стороны, какие у нас основания полностью или частично исключать из рассмотрения империю Ахеменидов? Оспаривать тот факт, что империя эта принадлежит истории Древнего Востока, невозможно. С другой стороны, зачем включать историю эллинистических государств? Они, конечно, располагались на завоеванном Востоке, но по происхождению и форме правления принадлежали западной цивилизации.

Таким образом, у нас остается лишь одна разумная временная граница – победа Александра Македонского. Вплоть до этой даты Восток существовал под властью восточных же империй; после нее Восток становится объектом западного влияния. Более того, переход от независимости к подчиненности сразу же отразился в самых разнообразных областях культуры, а потому сможет послужить нам естественной временной границей.

Действующие лица

В рамках места и времени, которые мы определили, на исторической сцене действовал целый комплекс народов, раз-

ных по происхождению и образу жизни; именно взаимодействие этих народов и объединение их в различные группы определило ход истории Востока. Посмотрев на историю в целом, мы не увидим в ней какой-нибудь одной постоянно доминирующей группы или народа; каждый из них по очереди принимает на себя лидирующую роль и оставляет свой след в одном из периодов – в своем собственном периоде – истории. В целом же нельзя сказать, что какой-либо из народов сыграл здесь преобладающую роль. Поэтому история Востока очень сложна, и ее единство строится на синтезе очень разнородных элементов. Свое окончательное и полное выражение этот синтез нашел в период правления Персидской империи, которой удалось незадолго до своего падения объединить под своей властью весь регион.

Мы можем, хотя и очень приблизительно, классифицировать народы по различным географическим зонам Ближневосточного региона; зоны эти различаются по условиям существования, а потому движение народов в них управляется различными импульсами и законами.

Ядро нашего региона, Аравийская пустыня, является родиной семитов, пастухов-кочевников; засушливый климат родной земли вновь и вновь заставляет их устремляться прочь, в плодородные соседние области. Концепция семитов как стремящейся к единству отдельной группы племен основана не на сомнительных расовых характеристиках, а на исторической общности происхождения и – самое главное – на

близком языковом родстве всех племен группы.

В регионах, дугой окружающих Аравийскую пустыню, — на территории «плодородного полумесяца» — с самого начала времен и даже раньше семиты пустыни вступали в контакт с различными народами, смешивались с ними и образовывали в разных районах различные этнические комплексы. На западе, в долине Нила, семитские и хамитские элементы объединились с образованием египетского народа; этот процесс нашел свое отражение и в египетском языке. С этнической точки зрения хамиты менее однородны, чем семиты; лингвистически их языкам не хватает единства семитских языков². Непросто также определить время и характер египетского смешения народов из-за тесной связи между хамитскими и семитскими языками, которая в последнее время находит в среде ученых все большее признание.

На другом конце полумесяца, в Междуречье, семиты встречаются с шумерами. Происхождение этого народа неясно, а их язык, агглютинативный по типу, не выказывает генетической близости ни с одним из прочих известных нам языков. Даже этнический тип шумеров остается неясным, поскольку результаты антропологических исследований противоречат данным, полученным в результате изучения предметов искусства. Трудно сказать, как далеко зашло этниче-

² В хамито-семитской группе независимой семитской ветви противостоит не столь же однородная хамитская ветвь, но три ветви, состоящие примерно в одинаковых отношениях друг к другу и к семитской ветви.

ское смешение семитов и шумеров. Два языка продолжали использоваться на равных, но применение обоих не ограничивалось исключительно представителями соответствующего народа. По общему мнению, история Месопотамии представляет собой результат противостояния двух народов; но такое суждение не согласуется с известными фактами. Более вероятным представляется вариант, что эти народы мирно сосуществовали и сотрудничали в определении общей политики, а также в экономической и общественной жизни.

На сирийско-палестинской береговой полосе, соединяющей две речные долины, семиты с доисторических времен встречали народы, о которых мы теперь можем сказать только одно: оставшиеся после них географические названия говорят о том, что они не были семитами. В этом регионе семиты взяли верх и стали доминирующей нацией; на разных стадиях проникновения управление брали на себя разные группы, но доминировали в истории региона и его письменных документах всегда семиты. Однако эта область играет в регионе весьма своеобразную роль и неизменно является для соседних культур местом встречи и обмена, а потому всегда отражает происходящие вокруг великие политические перемены – и чем дальше, тем больше усложняет и без того сложную этническую ситуацию.

За «плодородным полумесяцем», на плоскогорьях Анатолии и Ирана мы вновь обнаруживаем кочевые племена, – но это не пастухи, как в пустыне, а охотники и коневоды. У них

разные корни, но их объединяет один существенный факт: их масштабное вмешательство в ближневосточную историю неразрывно связано с миграцией индоевропейских народов, которые составляют по крайней мере часть их правящей верхушки. Таким образом, здесь тоже присутствует элемент единства – узнаваемый и определяемый, как и прежде, преимущественно лингвистически, – который уравнивает массу различных племен и оправдывает их включение в общую концепцию, несмотря на разнообразие составляющих элементов.

Пролог

Разговор о доисторических временах Ближнего Востока в очерке, посвященном его истории, уместен лишь в том случае, если мы, во-первых, ограничимся лишь легким наброском, а во-вторых, сосредоточим внимание не столько на конкретных деталях, сколько на основных направлениях развития цивилизации и тех формах, к которым пришла цивилизация в интересующем нас регионе. В данном случае между историей и тем, что ей предшествовало, не было никакого разрыва, и без упоминания о доисторических временах история не была бы понятна и не имела смысла.

Вообще, в эпоху оледенения Ближневосточный регион был, по всей видимости, значительно более плодородным, чем теперь. Холодный европейский воздух гнал атлантиче-

ские циклоны на юг, в Северную Африку и Западную Азию. Именно этим объясняются находки доисторических орудий и наскальных рисунков в тех местах, где сегодня жизнь невозможна. Самыми древними человеческими останками на Ближнем Востоке по-прежнему остается скелет, найденный несколько десятилетий назад мисс Гэррод в пещере на горе Кармель. Однако в Месопотамии недавно были открыты более многочисленные и более древние палеолитические стоянки, от Шанидара до Палегавры. В частности, экспедиция Брейдвуда обнаружила немало мест, где жили пещерные охотники; расщепленные человеческие кости (таким образом доставали костный мозг) позволяют предположить каннибализм.

В мезолите, примерно между 10 000 и 6000 гг. до н. э., климатические условия на Ближнем Востоке резко изменились. Сместились маршруты движения дождевых облаков; плодородные прерии превратились в сухие степи, а затем и в пустыни. Население теперь концентрировалось в долинах великих рек, где еще оставалась вода и, соответственно, можно было жить. Мисс Гэррод обнаружила следы этой фазы в пещерах вдоль небольшого потока – Вади-Натуф – к северо-западу от Иерусалима; теперь слово «натуфийский» используется для характеристики людей той эпохи. Во времена натуфийской цивилизации появились два принципиальных новшества: собирание семян пшеницы и ячменя и начало одомашнивания животных. Главное значение этих ново-

введений в том, что они знаменуют начало перехода к оседлому образу жизни. На Ближнем Востоке следующий шаг – когда пищу стали не просто собирать, но выращивать, – был сделан, по всей видимости, тоже в натуфийский период или чуть позже.

Эра неолита, которая обычно датируется примерно 6000–4000 гг. до н. э., демонстрирует дальнейшее развитие. Появляются поселения земледельцев и даже города; обнаружены осязаемые свидетельства религии и искусства. По мере продолжения исследований картина этого периода постоянно меняется; по имеющейся информации, самым древним из обнаруженных селений является Джармо в Месопотамии, а самым древним городом – Иерихон в Палестине. То и другое датируется примерно 5000 г. до н. э., причем дата установлена достаточно уверенно при помощи радиоуглеродного метода³. В глинобитных домах селения Джармо бы-

³ Этот метод знаменует собой революцию в археологии. Он основан на том факте, что в любом органическом веществе содержится не только обычный углерод (C_{12}), но и радиоактивный изотоп углерода, названный по своему атомному весу C_{14} , причем соотношение между двумя изотопами в живом организме постоянно. После смерти носителя ткани углерод C_{14} начинает медленно распадаться – со скоростью 50 процентов за примерно 5500 лет, – превращаясь в C_{12} , который при этом остается неизменным. Следовательно, соотношение в органическом веществе изотопов C_{12} и C_{14} однозначно указывает на его возраст. Этот метод, изобретенный доктором Либби из Чикаго, позволяет датировать предметы возрастом до 20 или 30 тысяч лет с точностью в каких-то 200 лет. Профессор Арнольд, тоже из Чикаго, разработал улучшенную методику, которая позволяет расширить датировку до 44 тысяч лет и уменьшить возможную ошибку до 37 лет.

ло по несколько комнат; полы в них тоже представляли собой утрамбованную глину поверх тростникового основания; в них были разного рода печи, а также емкости для воды, выкопанные в грунте. Обнаруженные здесь кости принадлежат преимущественно домашним животным.

На присутствие религии и искусства указывают грубые глиняные статуэтки. Чаще всего они изображают сидящую женщину с явными признаками беременности: это богиня-мать, символ земного плодородия; в дальнейшем ее культ распространится на весь Ближний Восток. В Иерихоне дома были построены из кирпича ручной лепки, а стены покрывал толстый слой штукатурки; для домов здесь характерны широкие дверные проемы, комнаты в них довольно большие и прямоугольные. Но самая интересная деталь – массивная городская стена из огромных каменных блоков; судя по ней, Иерихон можно назвать древнейшим городом не только Ближнего Востока, но и всего мира. Несколько гипсовых скульптурных голов с чрезвычайно тонкими и живыми чертами лица свидетельствуют о необычайном развитии искусства; а небольшое святилище с апсидой, алтарем и маленькой колонной указывает на существование организованного религиозного культа.

Ближе к концу неолитической эры начинает появляться керамика – базовое средство надежной датировки. В настоящее время древнейшими являются образцы, найденные в Джармо и на недавно исследованных площадках в Тель-Хас-

суне и Матаре, также в Месопотамии. Техника изготовления примитивна: сосуды лепились руками и обжигались на открытом очаге; в числе украшений – геометрический орнамент, выдавленный или нарисованный, или то и другое одновременно.

В халколите, продолжавшемся примерно с 4000 по 3000 г. до н. э., гончарное искусство совершенствуется; сам этот период делится на фазы по типам гончарных изделий, их распространенности и преобладанию. Вообще говоря, в этот период мы наблюдаем дальнейшую концентрацию культуры в долинах рек, в Египте и Месопотамии. Различные типы керамики, распространенные в них, часто обнаруживаются и в соседних регионах, указывая таким образом на то, что народы речных долин распространяли на соседей культурное и политическое влияние. Гончарное искусство постепенно совершенствуется: появляются закрытые печи для обжига, позволяющие поддерживать нужную температуру и удалять дым; сосуды ручной лепки сменяются на изделия гончарного круга, гораздо более тонкие и правильные по форме. Развивается и отделка. Простой геометрический орнамент сменяется изображениями людей и животных – таким образом, у нас появляется новый бесценный источник информации о жизни создателей керамики. К примеру, на керамике из Самарры в Месопотамии в основном изображены птицы, дикие козлы и олени, что свидетельствует об обществе, в котором по-прежнему преобладающим занятием является охота.

Насколько известно в настоящий момент, эволюция в двух великих центрах – Египте и Месопотамии – шла по разным путям. Но в какой-то момент – точнее, в самый канун исторической эпохи – появляются признаки множественных контактов. Значение их не стоит преувеличивать, но все же это указание на исторические связи, способные вызвать самые серьезные последствия. В процессе этого обмена Месопотамия оказывает на Египет заметное влияние: здесь появляются цилиндрические печати месопотамского происхождения, которые сразу же находят новое развитие и обретают чисто египетские черты; множество изобразительных тем – переплетенные фигуры животных, симметрично расположенные пары животных, сцены борьбы героя со львом, корабли с характерными изогнутыми оконечностями – заимствуются Нилом у Междуречья; даже в египетской письменности, в ее зарождении и развитии, если не в окончательной форме, можно различить влияние более древней письменности Месопотамии. Более того, недавно ученые обратили внимание и на противоположную тенденцию – на влияние, оказанное Египтом на Месопотамию. Так, Гилберт нашел месопотамские печати с рельефными изображениями зданий с двойными дверями, украшенными по притолоке декоративным орнаментом из переплетенных цветов; в этих изображениях, похоже, присутствуют египетские мотивы. Кроме того, мы не будем здесь касаться сложной проблемы отношений между пирамидами и месопотамскими храмовыми баш-

ниями. Однако в целом складывается впечатление, что в этот решающий момент перехода к исторической эре при независимом в целом развитии этих двух культур Месопотамия все же играла ведущую роль.

На Ближнем Востоке история появляется не мгновенно. Первые несколько столетий письменные документы еще недостаточно многочисленны, обширны или понятны, чтобы можно было по ним восстановить ход истории. После начальной фазы развитие письменности в двух долинах идет более или менее параллельно: от рисунков к пиктограммам, затем схематическим изображениям и идеограммам (иероглифам), от идеограмм, то есть обозначения слов, к фонетическим единицам в форме слогового (силлабического) письма, хотя используются и идеограммы. В Египте следующий шаг делается путем акрофонии, то есть произнесения лишь первого элемента слога, – таким образом достигается буквенная стадия. Но этот принцип не становится всеобщим, в результате чего слоговые и идеографические единицы существуют бок о бок с алфавитными. Следующим решительным шагом вперед должно было стать изобретение систематического алфавита, – но до этого оставалась еще по крайней мере тысяча лет.

Таким образом, на самой заре истории Древний Восток уже имел за плечами огромный опыт и долгую жизнь; точнее говоря, большую часть жизни: от пещер к селениям и городам, от охоты к скотоводству и земледелию. Его об-

щественная, политическая, религиозная и художественная жизнь успела пройти громадный эволюционный путь. Именно в этот момент роль рассказчика переходит к истории, которая уверенно ведет нить повествования к завершению.

Часть вторая

Составные части

Глава 2

Шумеры

Цивилизация Междуречья

Можно сказать, хотя это и звучит парадоксально, что знаниями о шумерской цивилизации мы обязаны случаю. Начиная исследование Месопотамии, археологи думали совершенно о другом – а именно рассчитывали найти следы вавилонян и ассирийцев, о которых многое было уже известно из Библии и трудов классических авторов. Однако выяснилось, что в окрестностях Вавилона жил не один народ, а два. Да, археологам действительно удалось найти вавилонян; но, кроме этого, были обнаружены памятники и документы другого народа, до той поры неизвестного. Народ этот появился в Междуречье раньше вавилонян и ассирийцев и создал самую древнюю из известных на сегодняшний день исторических культур – культуру Шумера.

Выяснилось, что две культуры существовали в тесной вза-

имосвязи. Языки у двух народов были разные, и, хотя ничто не отрицало тесной связи, различие между ними было очевидно; специалисты говорили – и до сих пор, как правило, говорят – не только о двух народах, но и о двух культурах. Действительно ли это полностью оправданно? Исследование исторических документов, особенно самых ранних, показывает, что разные языки не всегда и не везде использовались в строгом соответствии с этнической принадлежностью авторов: некоторые шумеры писали по-семитски, и наоборот. Точнее было бы сказать, что использование одного из двух языков определялось местом и временем написания документа, а также его темой: в целом шумерский язык, как более древний, считался языком учености; он использовался в религиозных и литературных текстах даже после того, как закатилась звезда создавшего его народа; лишь постепенно он уступил место общеупотребительному языку, одержавшему в конце концов верх: вавилонскому и ассирийскому.

Таким образом, четкое различие этих двух культур оправданно лишь отчасти. Несмотря на разное происхождение и разный начальный уровень, они тесно связаны между собой. Поэтому нет смысла спорить, является ли цивилизация, о которой идет речь, шумерской или вавилонско-ассирийской: в первую очередь это месопотамская цивилизация.

Исторический очерк

Итак, в первую очередь нам необходимо определить пределы места и времени. Шумерская цивилизация впервые появляется на горизонте истории в 3-м тысячелетии до н. э. Однако это не подлинная начальная точка, а всего лишь начало исторической эры; все указывает на то, что, будь у нас возможность документальной проверки, мы смогли бы проследить этот народ гораздо дальше в прошлое.

Как бы то ни было, мы видим, что на заре истории шумеры уже прочно обосновались на земле, ставшей свидетелем развития их цивилизации. Они уже организованы в небольшие городские сообщества: ситуация напоминает греческие города-государства и более поздние итальянские коммуны.

Представляется, что поначалу городским сообществом управляло общее собрание под председательством группы старейшин. Американский ученый Якобсен назвал такую систему «примитивной демократией» и сказал о ней: «Наши материалы, по всей видимости, неизменно указывают на то, что доисторическая Месопотамия политически была организована на демократических принципах, а не автократических, как Месопотамия исторического периода. Имеющиеся признаки указывают на форму правления, при которой в обычных обстоятельствах общественными делами управлял совет старейшин, а высшая власть принадлежала обще-

му собранию всех членов – или, точнее, всех взрослых свободных мужчин – общины. Такое собрание улаживало возникающие внутри общины конфликты, решало вопросы мира и войны, а в случае необходимости – в первую очередь в ситуации войны – могло делегировать на ограниченное время высшую, практически царскую, власть одному из своих членов».

Возможно, это высказывание преувеличивает роль общего собрания, которое зачастую играло лишь совещательную роль при правителе города-государства; однако нет сомнений в том, что такое собрание накладывало на власть единоличного правителя определенные ограничения.

Институт общих собраний просуществовал недолго. Необходимость в случае чрезвычайной ситуации принимать быстрые и окончательные решения естественным образом ведет к концентрации власти в руках одного лидера. Шумеры называли его *лугаль* (большой человек) или проще *энси* (правитель).

Следует отметить важный момент: этот руководитель рассматривался как земной представитель истинного суверена – а именно бога – покровителя города. С самого начала власть у шумеров носила теократический характер. Считалось, что город принадлежит одному богу, хотя поклоняться другим богам тоже не запрещалось. Этот единственный бог считался абсолютным владыкой города и выражал свою высочайшую волю посредством чудес и знамений. Задача земного царя

состояла в том, чтобы правильно интерпретировать волю царя небесного и заботиться о том, чтобы тот всегда был доволен и благоволил своему городу – а значит, не переставал заботиться о своих верных подданных и защищать их. Так что царь чтит небесного покровителя города – воздвигал ему храмы, а также заботился о процветании народа: рыл каналы, чтобы управлять водами великих рек, укрощать паводки и орошать песчаную почву. Идеальная цель, которую шумеры ставили перед собой и к которой стремились, – мирная жизнь, упорядоченная верой и трудом. Этому идеалу они оставались верны во всех превратностях своей долгой истории.

Мы можем не обращать внимания на списки древних царей с их сказочно долгими сроками правления: назначением этих списков было согласовать периоды правления земных царей с правлением богов и героев. Шумерский список царей не имеет никакой исторической ценности, хотя в нем можно обнаружить имена реальных исторических персонажей.

Древнейшие дошедшие до нас шумерские надписи относятся к правлению Месилима (Луголь Киша), жившего около 2600 г. до н. э.; он оставил нам несколько строк, сообщающих о сооружении храма бога Нингирсу. Несколько больше мы знаем о жителях города Лагаш, которые оставили после себя немало документов. Здесь основатель династии, Ур-Нанше, тоже выстроил храм Нингирсу, – таким образом,

строительство храмов не было лишь прихотью правителя, но считалось, по всей видимости, первейшим долгом шумерского владыки. Строить храмы и рыть каналы – вот мирные труды, с самого начала считавшиеся достойными идеально-го царя.

Полезно рассмотреть характер древнейших царских надписей, имеющих в нашем распоряжении. Они ни в коей мере не напоминают то, что мы сегодня назвали бы вкладом в историческую науку; в них ничего не говорится о причинах, характерных чертах и следствиях событий. Это просто хроники – запись важных религиозных или политических событий, относящихся к разным городам; составлялись и записывались эти хроники в храмах и считались частью служения богам. Это всего лишь цепочки фактов, изложенные религиозным языком и не содержащие, помимо этого, ни малейших попыток какой-либо интерпретации. Кажется, шумерскому мышлению были равно чужды обобщение, толкование и суждение. Подтверждение этому можно найти повсюду: в религиозных трудах шумеров – в том, что о верованиях говорится, но они никогда теоретически не формулируются. В юридических записях – в системе прецедентного права, не основанного ни на каких общих правовых принципах. В трудах по естественной истории – в том, что длинные списки всевозможных растений и животных совершенно не упорядочены; шумеры не делали даже малейшей попытки что-либо классифицировать.

Судя по всему, не было у шумеров и сколько-нибудь ясной концепции исторического процесса; напротив, для них все происходящее было заранее предопределено божественным законом. Этот аспект шумерского менталитета хорошо проиллюстрировал Крамер: «Шумерский мыслитель, связанный собственным мировоззрением, считал, что исторические события появляются на сцене мира полностью готовыми и завершенными, а не формируются постепенно в результате взаимодействия человека с окружающей средой. Он верил, к примеру, что его страна Шумер – а он знал, что это земля процветающих городов и селений, деревень и ферм, где действует хорошо развитая система политических, религиозных и экономических институтов и правил, – всегда была примерно такой же, с самого начала времен, – ну, то есть с того момента, когда боги придумали ее и велели быть, где-то вскоре после сотворения Вселенной. Мысли о том, что Шумер когда-то представлял собой дикие пустоши с редкими селениями, а могучим и процветающим стал лишь в результате многих поколений борьбы и труда, отмеченных человеческой волей и упорством, человеческими же планами, пробами и ошибками, различными удачными открытиями и изобретениями, – такие мысли, вероятно, никогда не приходили в голову даже учнейшим из шумерских мудрецов».

Жизнь шумеров в городских сообществах ни в коей мере не была избавлена от столкновений и борьбы. Были внутренние распри, к примеру между правителями и жрецами.

Были и внешние конфликты между городами. Древнейший пример внутреннего конфликта мы видим в том же Лагаше. Чиновничество в городе берет верх и начинает сверх меры эксплуатировать народ; граждан облагают многочисленными налогами, и даже смерть человека не обходится без выплат в казну. Затем царь Уруагина (Уруинимгина) поднимается против городской верхушки, чтобы восстановить порядок и справедливость. Вот как он рассказал о своих реформах в одной из записей:

Когда Нингирсу, мощный воин Энлиля, передал Уруагине царство в Лагаше и среди 36 тысяч людей установил его власть, он восстановил древние повеления [Нингирсу] и дал силу слову, которое сказал ему его царь Нингирсу. От корабля удалил он надзирателя за кораблем. От ослов и от овец он удалил надзирателя за пастухами... Начиная с северной границы области Нингирсу вплоть до моря не было больше судей-надзирателей... Если дом великого примыкает к дому воина и этот великий ему скажет: «Я хочу его у тебя купить», если дело действительно дойдет до покупки, то воин пусть скажет великому: «Уплати мне хорошим серебром»... Он установил наказание, чтобы сильный не обижал сироту и вдову. С богом Нингирсу установил Уруагина этот порядок⁴.

Мораль этого эдикта, несомненно, производит сильное впечатление, особенно если вспомнить, из какого отдален-

⁴ Перевод В.В. Струве.

ного прошлого он дошел до нас. С этим же тоном мы встретимся и в более поздние времена, в высказываниях не только месопотамских, но и иных правителей, а фраза «защитить вдову и сироту» станет своеобразной формулой, выражающей решимость установить всеобщую справедливость.

Но в это же время вокруг царственного законодателя сгущаются штормовые тучи. В другой надписи говорится, что владыка соседнего города Умма напал на него, пролил кровь в храмах, разорил святилища и сбросил наземь статуи богов, а также унес серебро и драгоценные камни. В ярости Урукагина взывает к богам:

Люди Уммы, опустошив Лагаш, совершили грех против бога Нингирсу. Могущество, которое им досталось, будет у них отнято. Не совершил греха Урукагина, царь Лагаша. Но пусть грех Лугальзаггиси, князя Уммы, ляжет на голову его богини Нисабы.

Как часто бывает в истории, у этой ситуации две стороны. Если верить второму источнику, никаких грехов, разумеется, совершено не было. Агрессор, Лугальзаггиси, оставил надписи, где утверждается, что бог Энлиль, верховный над всеми остальными богами, поддержал его в этом предприятии:

Когда Энлиль, царь стран, даровал Лугальзаггиси царскую власть над страной, когда он установил полную справедливость, когда его могущество одолело многие страны, от рассвета до заката, он наложил на них дань.

В то время от нижнего моря через Тигр и Евфрат до верхнего моря Энлиль взял для него во владение. Земли упокоились в безопасности, на страну пролилась вода радости... Да продлит [бог Ану] мою жизнь в этом мире, да упокоит он страну в тиши, да умножит народ изобильно как траву... Да будет он вечно пастырем, который поднимает голову быку.

В этих словах мы видим новое, и весьма существенное, качество. Не важно, был ли он кровожадным агрессором или мирным строителем храмов – или тем и другим, – но политические взгляды нового владыки заметно отличались от взглядов его предшественников. Он расширил свой горизонт и смотрит теперь далеко за стены собственного города: от южного до северного моря, иными словами, от Персидского залива до Средиземного моря, от восточных земель до западных, он жаждет править всем известным миром. Таким образом, идея вселенской монархии впервые появилась в Месопотамии, и это еще один гигантский шаг вперед в эволюции общества. Произошло это около 2350 г. до н. э.

Теперь в нашем рассказе появляется новый элемент. В регионе установлено иностранное владычество. Сначала семиты, просачивавшиеся на протяжении многих лет из соседней Аравийской пустыни, основали царство, охватившее весь известный им мир (ок. 2350–2150 до н. э.); затем ку-тии, дикие народы с востока, начали сеять повсюду разрушение и зара-

ботали себе прозвание «горных драконов» (ок. 2150–2050 до н. э.). Шумерские города оправились лишь через несколько столетий, а их движение к единству было прервано. Затем, мало-помалу, развитие вновь набирает ход. Лагаш вновь притягивает к себе наш интерес. Около 2050 г. до н. э. в Лагаше правил Гудеа, величайший из всех шумерских владык. Уцелело немало скульптурных изображений его спокойной фигуры, его свершениям посвящено множество надписей. Следуя истинно шумерской традиции, этот царь сосредоточил свою деятельность на мирных трудах и строительстве храмов.

Он сам рассказал, как бог Нингирсу призвал его к трудам. В стране засуха, дождь не падает с неба, и реки не разливаются, чтобы удобрить поля. В тревоге царь обращается за советом к богу. Нингирсу велит ему построить святилище — только тогда на землю вернется изобилие.

Когда Гудеа верный пастырь кладет правую руку на царственный мой дом Эннину, тот вопиет к небесам моля о ветре и воде; тогда придет к тебе с небес изобилие, и изобилие утроит землю. Когда будет заложено основание моего дома, придет изобилие. Поля увеличатся и родят для тебя... В Шумере масло будет производиться в изобилии, шерсть будет взвешиваться во множестве... Когда ты положишь правую руку на мой храм, я поставлю ногу на гору, где обитают грозы; от обиталища гроз, от высочайшего пика, от святого места польет для тебя дождь, он даст жизнь сердцу земли.

Гудеа оставил надписи с детальным описанием великого предприятия: из окрестных земель на строительство храма повезли лес, мрамор, бронзу и золото. Эти описания дают нам картину не только царственного строителя; мы видим, что весь народ трудится во славу своего бога.

Однако этот труд ничем не напоминает тот принудительный труд, который – судя по рассказам классических авторов, верным или неверным, – был использован при строительстве египетских пирамид. В полном соответствии с традициями своего народа Гудеа – мирный и благотворительный монарх, при котором «никого не наказывали бичом и никто не был бит ремнями». Нигде не упоминаются слезы или распри; сборщики налогов не входят в дома граждан; «Нингирсу, своему царю, они с радостью предлагали в дар свой труд».

После смерти Гудеа Лагаш уступает главенство в шумерской земле другому городу, Уру. Третья династия правителей этого города принимает титул «царь четырех сторон земли», возобновляя таким образом притязания на власть над всем известным миром, которые мы уже отмечали в Месопотамии. Но царь Ура носит и еще один титул, который стоит отметить: он именуется себя «царь Шумера и Аккада». Следовательно, это обычное обращение к нему, в котором выразилось неразделимое смешение в месопотамской цивилизации двух элементов, шумерского и семитского. Существует много и других характерных указаний на это смешение

— к примеру, имена правителей, среди которых встречаются и шумерские, и семитские; их божественные титулы, свидетельствующие о движении к апофеозу монархии, ставшему характерной чертой семитской интерлюдии; отступление религиозной власти перед политической как часть процесса движения к бюрократическому государству, модель которой также обеспечили семиты.

Не так давно был обнаружен и опубликован кодекс законов, принадлежавший основателю третьей династии Ура, Ур-Намму. На данный момент это древнейший из известных кодексов. Звучащая в нем нота общественной морали и сегодня, четыре тысячи лет спустя, производит сильное впечатление. Царь объявляет, что избавился от нечестных чиновников, или, говоря его словами, от тех, кто наживался на быках, овцах и ослах простых граждан; он установил справедливые и неизменные меры и веса; он позаботился о том, чтобы сирота и вдова не пали жертвой сильного, и о том, чтобы человек, владеющий лишь одной мелкой монетой, не оказался во власти того, кто владеет монетой большей стоимости.

В течение примерно ста лет в конце 3-го тысячелетия до н. э. город Ур был центром блестящей цивилизации, оставившей после себя множество памятников и богатую литературу, которую археологам удалось извлечь на свет. Но эти годы можно назвать лебединой песней: новое вторжение из Аравийской пустыни навсегда положило конец политическому

могуществу шумеров.

Религиозная структура

Религия шумеров – естественный политеизм, поклонение великим природным силам Вселенной, силам, которые управляют земным плодородием. Наряду с богами-покровителями города и выше их существуют космические боги; и зачастую функции этих двух классов божеств накладываются друг на друга и даже смешиваются.

Но какая концепция Вселенной лежит в основе этих религиозных взглядов? Помня все сказанное выше о взгляде шумеров на историю, нетрудно понять, что космос шумеров состоит из сложного комплекса законов, установленных богами; эти законы, по сути, и есть существование. Боги говорят, и слово их становится делом. Отдельные боги отвечают одновременно за космические силы и за земные организмы – города; это необходимо, чтобы они могли обеспечить постоянство установленного порядка. Какое же место занимает человек в этом космосе? Люди – исполнители божественной воли, инструменты, созданные специально для того, чтобы эта воля могла быть исполнена. Для чего? Чтобы неукоснительно проводить в жизнь божественные веления, чтобы установить порядок, который обеспечит плодотворную жизнь земли.

Важнейшие функции пантеона исполняют божественные

силы, заведующие основными природными стихиями. Так, Ану, высочайший из богов, является богом неба, которое явно главенствует в видимой Вселенной. Пространство между небом и землей, воздух, находится в ведении Энлиля, господина ветра и грозы; из святилища в Ниппуре он как бы руководит различными богами-покровителями городов. Земля – вотчина Энки. Эти три бога образуют космическую троицу. Со временем Энки становится известен также под именем Эа, «дом воды», поскольку именно земля – неисчерпаемый источник живительной влаги каналов, рек и морей. Тот факт, что имя Эа появляется сравнительно поздно, лишь во второй фазе шумерской цивилизации, позволяет предположить, что концепция земного бога претерпела серьезные изменения, в которых не последнюю роль, возможно, сыграла «семитская интерлюдия»; здесь мы видим намек на возможную эволюцию в мире, который в каждом своем элементе кажется статичным и неизменным.

Итак, главенствуют в пантеоне основные космические боги. Вторая троица состоит из богов, ведающих космическими телами, свет которых управляет ходом земной жизни: луна (Наннар), солнце (Уту) и утренняя звезда Венера (Инанна). Инанна также считается воплощением Матери-Земли как источника плодородия, корнями ее культ уходит далеко в доисторическую эпоху; очень может быть, что именно этот аспект является базовым, а звездное воплощение – всего лишь вторичный атрибут, семитский по происхождению.

В мифах и поэтическом творчестве Инанна в роли Матери-Земли часто связывается с фигурой юного бога Думузи, который постоянно умирает и возрождается вновь и символизирует собой ежегодные смерть и возрождение природы.

Как изображают богов? Хотя они олицетворяют собой природные силы и стихии, в памятниках и надписях им придают сходство с людьми. У них человеческие фигуры, они имеют пол и заводят детей; одеваются и едят, как твари земные, хотя одеяния у богов гораздо более роскошные, а вкушают они самые редкие кушанья. Наконец, они умеют любить и ненавидеть, как люди, только гораздо более страстно и неистово. Получается, что от людей их в конечном итоге отличает лишь бессмертие и божественное могущество. Моделью для макрокосма служит микрокосм. В этом отношении эпос Гомера предлагает нам довольно точную и, заметим, более близкую параллель, чем некоторые другие земли Древнего Востока.

Отношения между богами строятся по принципу человеческой семьи – дети – родители – и рано находят воплощение в теологии. Так, Ану родоначальник всех богов; Нингирсу, бог Лагаша, – сын Энлиля, а его женой является Баба, дочь Ану; Наннар, бог луны, женат на Нингаль, а его сыном является солнечный бог Уту. Список можно было бы продолжить, но нам сейчас достаточно отметить тенденцию к систематизации, которой, вероятно, мы обязаны жречеству и которая дает нам первоначальную модель, по которой будет по-

строена гораздо более проработанная система позднейшей месопотамской эры.

Ниже богов располагаются владения демонов. Существуют хорошие демоны, они принимают храмы, дома и людей под свое покровительство; но по большей части демоны злобны, это неупокоенные души умерших, живущие в гробницах, в темноте и в пустыне, откуда они совершают набеги, принося на землю ужас и муки. Самые страшные из них – семь Удугов, ненасытных в алчности и неутомимых в преследовании. Их можно одолеть только при помощи заклинаний и магического искусства, которым владеют жрецы. Это искусство и представляет собой истинную ученость, и многие его формулы дошли до нас. Вот, к примеру:

Злобный Удуг, что бродит святотатственно по земле,
Злобный Удуг, что разносит беспорядки по всей земле,
Злобный Удуг, что не слышит мольбы,
Злобный Удуг, что ловит малышей как рыбу в воде,
Злобный Удуг, что рушит великое горами,
Злобный Удуг, что давит стариков и старух,
Злобный Удуг, что пересекает широкие улицы,
Злобный Удуг, что превращает пустыню в великую степь,
Злобный Удуг, что прыгает через пороги,
Злобный Удуг, что рушит общественные здания,
Злобный Удуг, что тревожит землю...
Я жрец, я пою заклинания, я верховный жрец Эа,

Владыка послал меня...

За спиной моею тебе не выть,

За спиной моею тебе не кричать,

Тебе не добиться, чтобы меня взял злой человек,

Тебе не добиться, чтобы меня схватил злой Удуг,

Да изгонят тебя небеса! Да изгонит тебя земля!

К магической формуле необходимо добавить прорицания, которыми тоже занимались жрецы. В этом беспокойном мире перед лицом таких могущественных высших сил человек всегда ищет возможность заглянуть в будущее, истолковать волю богов и предсказать их действия. Это первый шаг к тому, чтобы защитить себя – религиозными или магическими средствами.

Поклонение богам принимает форму сложной и весьма развитой системы ритуалов, которые проводит в храмах многочисленное жречество. Из надписей мы узнаем, что среди жрецов существует подробное и четкое разделение функций, что говорит о замечательном уровне развития всей системы; мы видим здесь не импровизированные представления, а зрелую организацию. Собственностью храмов управляют по большей части светские, а не клерикальные администраторы – если в данном случае вообще можно провести подобное различие. Говоря точнее, богослужebные функции распределяются между певчими, плакальщиками, магами и провидцами. Обильно представлена и женская часть насе-

ления: при храмах есть проститутки, женщины-певчие, плакальщицы, колдуньи и гадалки.

Основой религиозного культа служит священный календарь. Праздники существуют двух типов: фиксированные, главные из которых Новый год и новолуние, и плавающие. Последние различаются либо потому, что это особые праздничные дни, посвященные богам-покровителям города, либо потому, что связаны с конкретными памяtnыми событиями, такими как освящение храма, воздвижение статуи, восшествие на престол царя или военная победа.

Центральное событие любого праздника – жертвоприношение. Об этом свидетельствуют многочисленные дошедшие до нас тексты, хотя основная цель жертвоприношения остается неясной: достигал ли богов лишь дым от священной жертвы или ее всю сжигали во славу бога? Однако тексты снабжают нас обширной информацией: мы узнаем, что в жертву приносили овец, коз, быков, свиней, птицу и рыбу, а также зерно, муку, хлеб, финики, фиги, масло, мед, молоко, вино и пиво, одежду и ароматы. Типичная черта праздника – жертвы, принесенные по обету: как правило, это вазы, драгоценности, а в первую очередь статуи и статуэтки, которые жертвователю устанавливали в храме, дабы заручиться божественной поддержкой. Статуэтки часто изображали самих дарителей. При помощи этого, по существу магического, ритуала человек мог поручить себя заботам богов.

Самая главная цель шумерского культа – сохранение жиз-

ни. Заметим, земной жизни: шумеры молились о плодородии и изобилии; их культ имел очевидно натуралистическую природу.

При этом нельзя сказать, что шумеры ничего не знали о грядущей жизни; изобилие даров, помещенных в гробницы рядом с мертвыми, говорит об обратном, а более подробную информацию можно найти в мифах, где рассказывается о жизни за порогом гробницы. В первую очередь, все свидетельства говорят о культе постоянного возрождения природы, и трудно себе представить, что человек не принимал бы участия в этом бесконечном возрождении. В царских гробницах Ура монархи покоятся в сопровождении свиты. Указывает ли это на смерть, которую принимали добровольно в расчете на будущую жизнь? Да, многое говорит именно об этом.

Однако будущая жизнь в понимании шумеров сильно отличается от загробной жизни, скажем, египтян. Она жалка и бестелесна, затянута мраком и не предлагает новых возможностей. Один из текстов говорит об этом весьма ясно:

Я больше не человек, чтобы наслаждаться жизнью.

Место моего упокоения – прах земной; я лежу среди грешников,

Мой сон – мучение; существование я влачу среди недругов.

О сестра моя, я не в состоянии подняться с ложа!

Этим настроением пронизана вся шумерская литература, и в особенности героический эпос. Все это резко контрастирует с безмятежными, светлыми изображениями, уцелевшими в гробницах Древнего Египта.

Храм – не только центр религиозной жизни. В шумерском обществе существовал характерный симбиоз функций, поэтому храм, помимо прочего, представлял собой центр экономической и коммерческой деятельности. Якобсен так описал происхождение и структуру этой социальной системы:

«Центром города-государства был непосредственно город, а центром города – храм бога-покровителя. Как правило, храм бога-покровителя был крупнейшим землевладельцем государства; обрабатывали его обширные владения сервы и издольщики. Другие храмы, посвященные супруге бога-покровителя, их божественным детям и божествам, как-то с ним связанным, тоже обладали немалыми земельными владениями. По некоторым оценкам, в середине 3-го тысячелетия до н. э. большая часть земли в городах-государствах Месопотамии представляла собой храмовые земли. Большая часть обитателей государства, соответственно, служила богам в качестве издольщиков, сервов или служителей.

Эти экономические и политические реалии нашли выражение в месопотамских мифах, где утверждается, что человек был создан, чтобы избавить богов от труда, чтобы работать в имениях богов. Ибо месопотамский город-государ-

ство *действительно* представлял собой поместье, или имение, бога. Этим базовым именем, главным храмом и его землями, владел и управлял бог-покровитель города. Все важные распоряжения он отдавал лично».

Храмовое сообщество руководствовалось правилом, что каждый отдельный человек должен трудиться на благо группы. Мы видим, что граждане города организованы в общины под началом людей, которым вменено в обязанность распределять работу и надзирать за ее выполнением. В качестве вознаграждения эти люди раздают работникам пищу. Ясно видна специализация труда: есть пастухи, землепашцы, охотники, рыбаки, лесорубы, плотники, кузнецы; есть и торговцы, занятые торговлей с другими государствами. Во время войны и в случаях, когда проводятся крупные общественные работы, граждан города мобилизуют; отработав свое, они возвращаются к повседневным обязанностям.

Такой была жизнь шумеров. В целом она оставляет впечатление глубокого единства всех форм человеческой жизни при доминирующем влиянии религии. Все, что делал человек, – будь то мирный труд или военные предприятия, – делалось во славу богов. Каждый шаг человека определялся богами; боги присматривали не только за действиями людей, связанными с культом, но и за экономической и коммерческой деятельностью, которые мы сейчас считаем далекими от религии. Гармония в вере, характерная для шумерской концепции Вселенной, и позже остается мощной и очень ти-

пичной чертой всех цивилизаций, сменивших шумеров на Древнем Востоке.

Литературные жанры

Открытие шумерской литературы стало, несомненно, одним из самых значительных научных достижений последнего времени. Лучше, наверное, сказать «открытие заново», ведь большинство текстов были к тому моменту уже известны на протяжении нескольких десятилетий; но их фрагментарность, огромные трудности расшифровки и, надо сказать, несовершенство копий, сделанных учеными с этих надписей, не позволяли увидеть общую картину. Сегодня, благодаря терпеливому и неустанному труду множества ученых, ситуация совсем иная. Особо следует отметить вклад американца Крамера, посвятившего много лет изучению материалов, которые были обнаружены в Ниппуре. Сейчас эти материалы составляют важнейшее ядро дошедших до нас шумерских письменных источников. Крамер заново изучил тексты, сделал новые копии и сравнил их; в результате ему удалось научно получить множество новых интерпретаций, проливших новый свет на мысли, верования и образ жизни шумерского народа.

Уцелевшая литература представляет собой десятки тысяч глиняных табличек, исписанных клинописными текстами. Это идеографическое письмо в основном слогового ха-

рактера, выдавленное в мягкой глине специальной палочкой. Распространение шумерской цивилизации привело к тому, что эта письменность использовалась как среди других народов Месопотамии, так и в обширной прилегающей области, а потому стала внешним признаком четко определенной культурной зоны. Сейчас мы располагаем множеством табличек самой разной сохранности. Таблички различаются между собой по размерам и количеству текста («шрифт» на разных табличках также различается по размеру). Некоторые таблички несут на себе десяток колонок, каждая из которых насчитывает сотни строк; другие – всего одну колонку из нескольких строк. На одной табличке редко можно найти полный текст; скажем, крупные поэтические произведения занимают по несколько табличек; этим обусловлена одна из фундаментальных проблем реконструкции шумерской литературы, а именно определение последовательности отдельных частей каждого текста.

Некоторые особенности шумерской литературы кажутся нам необычными. Прежде чем переходить к анализу различных литературных жанров, имеет смысл упомянуть эти черты, поскольку именно они определяют природу и содержание жанров. Для начала скажем, что все работы анонимны: нам неизвестно имя автора ни одного из дошедших до нас великих произведений. Это невозможно приписать случаю: имена переписчиков встречаются так часто и записывались так тщательно, что имена авторов, безусловно, сохранились

бы тоже, если бы им придавали хоть какое-нибудь значение. Во-вторых, в шумерской литературе не удастся различить никакого исторического развития в стиле или сюжетах, очевидного во всех западных литературах, причем возражение о том, что сделать это не дает ограниченность наших знаний, не выдерживает критики. Дошедшие до нас материалы не оставляют сомнений в том, что шумерские грамотеи рассматривали подражание более ранним образцам, копирование и сведение воедино древних текстов как одну из самых достойных задач и регулярно занимались этим, тогда как оригинальность или новизна, судя по всему, никого не вдохновляла.

Шумерская концепция искусства, совмещавшая в себе и обуславливавшая обе эти особенности, в корне отличалась от нашей. Целью шумерского искусства было не создание оригинальных и субъективных творений, выражающих индивидуальность отдельного человека, но объективное и неизменное выражение коллективного начала. Поэтому художник, строго говоря, превращался у них в ремесленника. Он не давал себе труда подписывать собственные творения, как современные мастеровые не подписывают своих изделий, да и не стремился к свободному творчеству. Напротив, его заветной целью было скопировать образец до мельчайших деталей. В такой ситуации личность художника – а шумерские авторы, безусловно, обладали такой характеристикой, как «личность», – ускользает от нас, а процесс худо-

жественного развития, который, так или иначе, должен был иметь место хотя бы в самой слабой форме, теряется под грудой копий, пересказов и компиляций прежних образцов.

Но даже такое коллективное статичное искусство должно было иметь смысл и цель, хотя художники того времени и не стремились к свободному эстетическому самовыражению, столь характерному для нашей цивилизации. Цель шумерского искусства, вероятно, вполне прагматичная, ведь шумерская литература представляет собой вполне практическое выражение жизни общества. А поскольку, как мы уже указывали, доминирующей и объединяющей чертой этой жизни была религия, то и искусство по сути своей религиозно. Это искусство вопреки всему или, по крайней мере, искусство без стремления к искусству: это практичное и устойчивое выражение божественной концепции и отношений человека с божествами.

Из всех литературных жанров у шумеров откровенно преобладает мифологическая поэзия. Поэмы рассказывают о приключениях и взаимоотношениях богов, выражая таким образом шумерские представления о Вселенной, ее происхождении и дальнейшей судьбе. Они раскрывают взгляды шумерского народа на жизнь и, естественно, отражают жизненные условия и традиции.

Поразительный пример мифа о происхождении всего вокруг – сказание об Энки и Шумере. В ней рассказывается,

как бог Энки принес в мир порядок и организовал обработку земли. Энки подходит к берегам Тигра и Евфрата – двух рек, удобряющих песчаную почву Междуречья, и вливает в них пенные воды. Затем он населяет их воды рыбой и устанавливает законы для моря и ветра. Каждому месту и каждой стихии он назначает особого бога-покровителя. Затем он обращает внимание свое на обработку земли. Он создает злаки и другие растения и поручает плуг и ярмо богу «каналов и канав», а мотыгу – богу кирпичей. Затем приходит черед домов, стойл и овчарен: бог закладывает фундаменты и строит, наполняя одновременно долину животными. Этот миф отражает сельскохозяйственный характер древней шумерской цивилизации и доминирующую в ней своеобразную концепцию порядка, изначально и неразделимо присущего всякому существованию. Не зря понятия «создать» и «упорядочить» для шумеров синонимичны.

С самого начала времен человек неизменно обращается мыслями к загробной жизни. Самое исчерпывающее изложение соответствующих верований шумеров можно найти в мифе о нисхождении Инанны в нижний мир. Значение этого мифа не ограничивается рассказом об этом путешествии; в нем содержится красочное описание природного растительного цикла – доминирующей темы Древнего Востока. Инанна, богиня Матери-Земли, однажды решила навестить свою сестру Эрешкигаль, царицу нижнего мира. Однако она опасалась предательства, а потому оставила инструкции о

том, что если она не вернется через три дня, то за ней должны отправляться на поиски. Это поэтическое произведение, а надо отметить, что древне-восточная поэзия основывалась не столько на размере стиха (хотя размер, безусловно, существует, его исследования продолжаются), сколько на параллелизме – представлении одной идеи в двух или даже трех фразах, вторая из которых (и третья, если есть) выстраивается параллельно первой, повторяет ту же мысль другими словами, или дополняет ее, или представляет противоположную мысль. Таким образом достигается особый вид гармонии. Итак, Инанна спускается в нижний мир:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.